

Научная статья / Research article
УДК/UDC 7.036
DOI: 10.28995/2227-6165-2024-3-24-33

Анна Александровна Суворова
Anna Alexandrovna Suvorova
доктор искусствоведения, профессор,
Dr.Habil. in Art Studies, full professor,
Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
Herzen University (Saint Petersburg, Russia)
suvorova_anna@mail.ru

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ И АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ИСКУССТВЕ ESCHATOLOGICAL AND APOCALYPTIC MOTIVES IN RUSSIAN CONTEMPORARY ART

Актуальность настоящего исследования обусловлена обращением современного российского искусства к эсхатологической и апокалиптической проблематике, темам катастрофичности, итоговости бытия и др. Целью исследования является выявление ключевых стратегий и концептов, воплощающих переживание конца времен, ощущение случившейся катастрофы, вымирания и путей существования человечества будущего в современном российском искусстве. В качестве материала исследования выбраны несколько арт-проектов, реализованных в первой четверти XXI века ведущими российскими художниками (Петр Белый, Дмитрий Каварга, группа «Куда бегут собаки»). С опорой обозначенные теории, тенденции рефлексии апокалиптической и постапокалиптической темы определены следующим образом: 1) мир без человека, переживание конца времен как пространства пустоты и руин; 2) хтулуден как новое будущее, «человеческий компост» и тентакулярное мышление; 3) симбиоз цифры и твари, избегание человека; 4) цифровой апокалипсис и цифровое бессмертие.

Ключевые слова: эсхатология, апокалипсис, постгуманизм, трансгуманизм, вымирание, антропоцен, хтулуден, катастрофа, бессмертие, цифровое бессмертие, современное искусство, инсталляция

Для цитирования: Суворова А.А. Эсхатологические и апокалиптические мотивы в современном российском искусстве // Артикульт. 2024. №3(55). С. 24-33. DOI: 10.28995/2227-6165-2024-3-24-33

The relevance of the study is due to the appeal in contemporary Russian Art of eschatological and apocalyptic issues, themes of catastrophism, the finality of being and the world without a person, etc. The purpose of the study is to identify key strategies and concepts that embody the experience of the end of time, the feeling of a catastrophe, extinction and the ways of the existence of future humanity in Russian contemporary art. The study based on the analysis art projects of the early 21st century by Russian artists (Peter Belyi, Dmitry Kawarga, art-groupe «Where Dogs Run»). The results of the study showed tendencies of reflection of the apocalyptic and post-apocalyptic themes: 1) a world without a person, experiencing the end of time as a space of emptiness and ruins; 2) Chthulucene as a new future, “human composting” and tentacular thinking; 3) symbiosis of figures and creatures, avoidance of man; 4) digital apocalypse and digital immortality.

Keywords: eschatology, apocalypse, posthumanism, transhumanism, extinction, Anthropocene, Chthulucene, catastrophe, immortality, digital immortality, contemporary art, installation

For citation: Suvorova A.A. “Eschatological and apocalyptic motives in russian contemporary art.” *Articult.* 2024, no. 3(55), pp. 24-33. (in Russ.) DOI: 10.28995/2227-6165-2024-3-24-33

На протяжении последних лет современное искусство часто обращается к эсхатологическим и апокалиптическим мотивам, темам итоговости бытия и мира без человека. Столкновение культурного, религиозного и художественного опыта человечества и биологической, экологической, политической ситуации создает ситуацию особой напряженности и ежедневного переживания «медийного апокалипсиса». При всей драматичности текущей повестки, внутри культурного поля одновременно порождается усталость и определенная натренированность к переживанию апокалипсиса и некоторые интеллектуальные стратегии жизни в момент бесконечно длящегося «Судного Дня», облеченные в форму художественного высказывания.

С опорой на современные философские концепции (в том числе теорию постгуманизма) и культурологические, литературоведческие и искусствоведческие исследования рефлексии апокалиптической

и постапокалиптической темы в современном российском искусстве определены следующие гипотетические модели: мир без человека, переживание конца времен как пространства пустоты и руин; ктулхуцен как новое будущее; симбиоз цифры и твари, избегание человека; цифровой апокалипсис и цифровое бессмертие.

Тема апокалипсиса и апокалиптические видения и рефлексии были представлены в культуре в разных формах на протяжении многих столетий. В контексте национальной художественной культуры, с середины XVII века, со времени раскола русской православной церкви, апокалиптические темы были актуальны в пластических искусствах и литературе. Кризисные тенденции в мировоззрении и трансформации культуры стимулировали рост мотивов апокалипсиса в художественной культуре эпохи Серебряного века. Не углубляясь в историю этого объемного вопроса, важно подчеркнуть значительную культурную вариативность этих рефлексий, которая экстенсивно возростала на протяжении XIX-XX веков. Мотивы апокалипсиса также получали интерпретации в откровениях я, версиях новых религиозных систем, сциентистских утопиях и антиутопиях. Благодаря современным массмедиа эсхатология превратилась в феномен массовой культуры XXI века, неотъемлемой частью которой стали фильмы про зомби апокалипсиса, космические вторжения, экологические катастрофы, восстание машин, искусственные реальности.

Как описывают исследователи эсхатологии, она из богословской проблематики трансформировалась в поле исследования для философии, истории, культурологии, социологии, политологии, искусствоведения. «Эсхатологические исследования» не сконцентрированы вокруг дисциплины, подхода или метода, а являются по сути междисциплинарными [Гранин, 2017].

Светские вариации апокалипсиса, при различных расхождениях с текстом «Откровения» Иоанна Богослова, сохраняли связи с религиозными апокалиптическими идеями [Кирсанова, 2022, с. 81]. Светская апокалиптика изучалась на протяжении XX века такими исследователями, как Н. Кон, К. Лёвит, Э. Фёгелин и др. В перспективе настоящего исследования наиболее важны следующие аспекты светских вариаций апокалипсиса: 1) «апокалиптическая мысль оказала влияние на концепцию веры в человеческий прогресс, уходя корнями в иудейскую и христианскую эсхатологию» (К. Лёвит); 2) «апокалиптическая мысль под воздействием секуляризации создает веру в прогресс человечества» (Б. Джонс); 3) на протяжении второй половины XX века сформировалась идея о возможности человека «управлять миром и разрешать катаклизмы без ориентации на божественное» (Б. Джонс) [Кирсанова, 2022, с. 81].

Особое место в светской апокалиптике занимает катастрофическая апокалиптическая мысль, которая подразумевает веру в то, что кризис приведет к утопии посредством человеческих или природных сил [Jones, 2022] (в «Откровении» Иоанна Богослова кризис – это кульминация, имеющая искупительные качества). Черты «светского апокалипсиса» соединяют категории «апокалиптический» и «катастрофический» (М. Томашевич), что меняет первоначальный смысл апокалипсиса [Кирсанова, 2022, с. 82].

Исследователями описывается несколько направлений развития современных представлений об апокалипсисе. Первая тенденция воплощается в трансгуманистических практиках «улучшения» тела и ожидания появления бессмертного сверхчеловека [Медникова, 2023]. Альтернатива человеческому мышлению в виде искусственного интеллекта не кажется фатальной, что становится возможным вектором выхода человека за пределы биологического тела. Эти трансформации являются не просто технологическими, дигитальными или биологическими, но смысловыми и мировоззренческими. Человеческое тело мыслится как множественность, гибрид, не вершина, но этап эволюции. В этой перспективе апокалипсис – деградация природы, а спасение – соединение человека с техникой и переоснащение тела [Медникова, 2023].

Второй стратегией становится переход к постапокалипсису. Если логика модерна подразумевала апокалипсис как итог развития, прогресса и науки (модерн жил предчувствием апокалипсиса и конца жизни людей и природы) [Медникова, 2023], то постмодерн, продолжающийся в постгуманизме, преодолевает эту фатальность. У истории нет конца, как пишет Бруно Латур: «Конец истории – это

*A.A. Suvorova Eschatological and apocalyptic motives
in russian contemporary art*

стрела модерна, без нее он был невозможен. Ведь постепенное становление космоса не имеет конца. Поэтому политической экологии не стоит бояться Апокалипсиса: она возвращается домой, к ойкососу, к другим заурядным существам, к самому обыденному существованию» (цит. по [Медникова, 2023]). Апокалипсис современности теряет драматизм «конца истории», так исчезновение человека не становится концом мира.

В контексте анализа обращения к темам апокалипсиса и конца мира, важно выявить современную философскую перспективу «пересборки» человечества: моделей, форм и стратегий функционирования мира после конца. В этом отношении актуальными представляются теоретические работы, выявляющие и анализирующие повестку постгуманизма и трансгуманизма, антропоцена, капиталцена и других связанных феноменов.

Так, в исследовании Мануэля Ариас-Малдонадо особое внимание уделяется категории новой планетарной субъективности, которая провоцируема антропоценом [Arias-Maldonado, 2022; Arias-Maldonado, 2020]. Он служит движущей силой для изменений восприятия отношений природы и общества, несмотря на конкурирующие реакции, вызываемые различными планетарными потрясениями. Антропоцен в этой логике выступает некоторым «дидактическим апокалипсисом», антиутопическим нарративом, одновременно реакцией на трансформации современности и предвосхищение будущей далекой катастрофы [Arias-Maldonado, 2022]. Дидактичность этой апокалиптики обусловлена стремлением предотвратить наихудшие траектории, ведущие к катастрофе. Апокалиптика антропоцена раскрывается в том, что мы, человечество, помещены на стыке между двумя темпоральностями.

В подобной перспективе понимание апокалипсиса и его мотивов в художественной репрезентации разворачивается не только и не столько в перспективе художественных рефлексий теологической доктрины, но в перспективе глобальных изменений феномена человеческого бытия. Учитывая эту экологическую, постгуманистическую, трансперсональную, планетарную перспективу в контексте анализа российского искусства, также учтены исследования, связанные с обозначенной повесткой. Также в контексте постгуманизма существует большое число авторских постгуманистических проектов, которые так или иначе рефлексуют апокалиптичность современности. Среди них можно выделить те, которые строятся на принципах критической теории, культурной теории, и философские тексты, исследующие этические аспекты жизни в постмире, концепты мира-без-человека и вымирания живого и человеческого [Мейясу, 2017; Харауэй, 2017; Харауэй, 2020; Davies, 2016; Брайдотти, 2021; Феррандо, 2022; Чакрабарти, 2020].

Размышляя о функционировании апокалиптической повестки, мы обнаруживаем ее парадоксальную (несмотря на секуляризацию) актуализацию в поле культуры и художественной рефлексии. Как пишет А. Магун о теме апокалипсиса в искусстве: «Сначала она сдерживалась условностями минимального реализма и секуляризма и повернулась к буквальному апокалиптизму лишь перед лицом действительных катастроф, таких как мировые войны. Впрочем, апокалипсис быстро стал для письма скорее конститутивной фантазией, нежели внешним поводом. Мода на апокалиптические видения началась в 1930-е, но окончательно установилась к 70-м и 80-м, с их новыми антивоенными настроениями и пессимистичным поворотом в голливудском кино («Апокалипсис сегодня», позже «Парк Юрского периода», «Терминатор» и т. д.)» [Магун, 2017, с. 106].

В презентации апокалиптического в современной российской литературе, в частности в творчестве Виктора Пелевина, в ходе исследований выявляется некий особый мотив апокалипсиса «постреволюционный и перманентно революционный мир, где все должно быть перестроено и передумано» [Магун, 2017, с. 119]. Этот искусственный мир модерна теряет свою субстанциальность: «Субъект и субстанция, которые постоянно теряются в этом мире, не только вследствие растущего отчуждения человека, но также из-за стремительного неоднородного развития, возвращаются у Пелевина как возвышенные имена и образы героев-творцов и фетишизированных денег. Апокалипсис обусловлен не только меланхолическим отступлением великих ценностей, но и активным символическим восстанием героев против мира, который оказывается всего лишь миром, и против его господ. Конструктивистская, картезианская, буддистская, боготорческая, материалистическая, мистическая *apocalyptic*.

Проза профанации, поэзия отрицания, риторика разоблачения» [Магун, 2017, с. 220]. Другие исследования новых вариаций апокалиптики в современной литературе ведутся в контексте детализации тем и смыслов происходящего апокалипсиса [Крылова, 2018].

Также апокалиптические мотивы в разных вариациях анализируются и в различных феноменах визуальных искусств. Наиболее фундаментальный анализ с использованием количественных и качественных методов исследования проведен применительно к фильмам эсхатологического катастрофизма. Так, например, была выявлена тенденция к росту фильмов-катастроф в мировом кино и связанный рост интереса к данному жанру со стороны зрителей. В теоретической перспективе значимыми представляются выявление причин такого роста: «Пребывание в вымышленном катастрофическом пространстве является той самой скрытой потребностью современного человека, который, испытывая комфорт, тяготеет к ощущению страха и опасности, ведь для человека вне культуры потребительства, массового производства и бытового комфорта безопасность – фактор нестабильный, поскольку смерть может наступить в любой момент» (цит. по: [Кирсанова, 2022, с. 78]).

Смысловой основой воплощений в современной аудиовизуальной культуре апокалиптических и катастрофических вымыслов является стремление «напоминать и раскрывать тот факт, что окончательный конец – это гибель всего сущего, – парадигматическая катастрофа» [Кирсанова, 2022, с. 78]. В качестве объяснения этого запроса на «потребление» апокалипсиса и катастрофы в секулярном мире, исследователи пишут о фильмах-катастрофах так: «В них отражаются тревоги современной культуры и общества. Также они являются для современного человека пространством смысла и эмоций, катарсического удовольствия, в которых проживается реальность, высвобождаются эмоции, происходит очищение внутреннего мира. В силу этого здесь наблюдается пространство двойного смысла: воплощение мифологических, религиозных структур, архетипических образов, кульминационных моментов высвобождения как в реальности фильма, так и во внутреннем мире человека-зрителя, впоследствии чего образуется гармония, свет и продолжение жизни, но уже с новой точки» [Кирсанова, 2022, с. 83]. В контексте исследований апокалипсиса и постапокалипсиса в искусстве, именно проблематика кино оказывается наиболее фундированной в научном поле, в отличие от практик современного искусства.

На современном этапе «антропологический поворот в эсхатологии, акцентирование внимания не столько на приближении “конца света”, сколько на осознание смертности и конечности бытия человека» [Мартынова, 2021, с. 127]. Эсхатологические настроения современного момента отличаются ориентацией на развлекательность, «игровым характером, склонностью к ажиотажу, смещением высокого значения эсхатологии в плоскость массовой культуры, что выражается в эффекте карнавализации сознания, переносом эсхатологической проблематики из религиозной в социально-политическую плоскость...» [Федорова, 2021].

В пользу такой карнавализации и игрового характера эсхатологии свидетельствуют арт-проекты последних лет, как, например, выставка «Апок. Конец света каждый день» в московской галерее «Триумф» и петербургской «Anna Nova» (2022) или проект «Апокалипсис» в арт-центре «Брусницын» в Петербурге (2023).

В 2022 году галерея «Триумф» открыла выставку «Апок. Конец света каждый день» – именно эта формула, одновременно рефлексирующая внутренние переживания современного человека и векторы современного российского искусства, вынесена в название настоящей статьи. Столкновение культурного, религиозного и художественного опыта человечества и биологической, экологической, политической ситуации создает ситуацию особой напряженности и ежедневного переживания «медийного апокалипсиса». При всей драматичности текущей повестки, внутри культурного поля одновременно порождается усталость и определенная натренированность к переживанию апокалипсиса и некоторые интеллектуальные стратегии жизни в момент бесконечно длящегося «Судного Дня», облеченные в форму художественного высказывания.

Как пишут сами организаторы выставки «Апок. Конец света каждый день»: «Апокалипсис сегодня – сложно срежиссированное медийное шоу со спецэффектами. При этом частое употребление этого слова в сокращенном виде – “Апок” – фонетически напоминает глухой короткий звук. Будто хлопок –

A.A. Suvorova *Eschatological and apocalyptic motives
in russian contemporary art*

а сегодня именно это слово по различным соображениям используется вместо “взрыва”. Апок – это рутинизированный апокалипсис во времена эвфемизмов. Появятся ли в данной ситуации новые откровения? Иные модусы существования, которые помогут преодолеть безысходность, беспросветность и настаивающую конечность? Ожидать ли нам популяризации неомилленаристских настроений? Увидим ли мы новое небо и новую землю?» [Апок, 2022].

В начале 2020-х годов также состоялись и персональные выставки и проекты отдельных групп, тематика которых была связана с апокалиптическими мотивами. Так, например, с тематикой апокалипсиса и конца времен связаны проекты Петра Белого «Буря» (2022), прошедшие на нескольких выставочных площадках Петербурга, или Василия Кононова-Гредина «Русская смерть» (2021), показанный в Москве.

В фундаментальном анализе этой темы могли бы быть задействованы десятки российских художников, но исходя из объема статьи, выборка сделана с опорой на логику полярностей высказывания. В подборе художников акцент сделан на тех авторах, которые системно работают с апокалиптической проблематикой. Анализируемые проекты картируют данное исследовательское поле, задавая направления осмысления темы в актуальном искусстве. Для анализа выбраны несколько арт-проектов, реализованных в первой четверти XXI века ведущими российскими художниками: Петр Белый, Дмитрий Каварга, группа «Куда бегут собаки». Исследование построено с опорой на теорию дискурса и дискурс-анализ (в том числе использование принципов полярности высказывания), дополнительными являются семиотический анализ. Выбор методов объясняется их большей универсальностью и релевантностью объектам исследования – произведениям актуального искусства, в которых используются новые технологии, элементы реди-мейда и пр.

Одним из векторов апокалиптических рефлексий в современном традиционном и актуальном искусстве является тема мира-после-конца, проектов, исследующих пространство после катастрофы: геополитической, исторической, экологической. На протяжении почти двадцати лет с этой темой работает петербургский художник Петр Белый. Большой круг его проектов 2000-х – начала 2010-х годов объединены художником в группу «Соты». Среди них апеллирующие к «сложному прошедшему» «Щ854» (2005), «Сны вахтерши» (2003), «Сны диктатора» (2003); одновременно нарративный и очень формалистский «Мой микрорайон» (2005); собранная из разрушаемых домов деревянной провинции «Библиотека Пиноккио» (2008). Приближение и неотвратимость финала определяет образность инсталляций «Опасная зона» (2006), «Стандартный мавзолей» (2008) и «Красный метеорит» (2011).

Подобно миру насекомых живут обитатели инсталляции «Мой микрорайон» (2005), на разоренный муравейник похож «Стандартный мавзолей» (2008), оставлены обитателями-муравьями конструкции «Опасной зоны» (2006) и «Красного метеорита» (2011). В них художник использует идею структуры, сетки, сот, которая парадоксально соединяет мир простых биологических форм и организмов и социальные антиутопии. В инсталляции «Красный метеорит» (2011) на структуры позднесоветских сот-многоэтажек падает титаническое небесное тело: «Мне все надоело, я решил бросить крупнейший красный камень в ячеистую геометрическую форму куба, разрушить мощным инопланетным вторжением. Своего рода Маурицио Каттелан местного разлива» [Авторизованное интервью с Петром Белым, 2023].

Это в своем роде «коммунистический постскрипtum» как бы обнародует травматический опыт советского и его финала. Петр Белый через ироническую нарративность описывает завершение своего «советского проекта» в инсталляции «Красный метеорит» (2011) так: «Стоял брежневский долгострой, и в него прилетел красный метеорит. Камень олицетворял убийственную мечту – своего рода смешение невоплощенной утопии и космических сил, опять же диалог между формой камня и решеткой. <...> Думал про страну, что с нами случилось или не случилось, могло случиться...» [Авторизованное интервью с Петром Белым, 2023].

Новым поворотом в теме конца мира у Петра Белого становятся проекты начала 2020-х годов: «Романтический Апокалипсис» и «Шиномонтаж» (оба – 2022). В этой итерации апокалипсиса тотальная метаирония постмодерна и оказывается пуштышкой, фикцией, дымом. Апокалипсис уже наступил.

В своих размышлениях Петр Белый как будто бы возвращается в эпоху до игр постмодерна. По словам художника, инсталляция «Романтический Апокалипсис», представленная на двух выставках «Буря» осенью 2022 года, – это очень консервативный проект, одновременно движение назад и преобразование, «как бы возвращение к ремеслу, такая внутренняя революция» [Авторизированное интервью с Петром Белым, 2022]. Апокалипсис 2022 года – битва внутри и вовне, за жизни и за души людей. Эта ситуация предельной напряженности возвращает нашего героя, как он говорит, на какие-то «давно забытые рубежи». Рассматривая формы объектов, мы видим пластику барочных форм и вещественность, вес, фактуру предмета, которые почти дематериализовались в более ранних проектах художника.

Но эта предметность и использование тезауруса истории искусства – некоторая иллюзия: «Я не картина, я только кажусь картиной». В этом возвращении в прошлое искусства, эстетике барокко есть что-то от защитной реакции на сегодняшний апокалипсис: «Ощущение тревоги, близости конца света, хрупкости и виктимности человеческой жизни, неспособности ума вместить разверзшуюся бездну, предстояние перед несоизмеримым, неумолимым и холодным миром, роднит современность с эпохой барокко, чьи формы проступают из бетонной толщи на этой выставке. Лучи, льющиеся из туч (обозначение эманации Божества) отзеркаливаются в образах обнажившейся от взрыва арматуры и радиоактивного излучения после ядерного удара. Фонтан – образ неиссякаемого плодородия и репродуктивной способности оборачивается грудой развалин, в которых сочится перебитый водопровод» [Петр Белый, б.г.].

Но барокко апокалипсиса, барокко руин – это также и часть некоторой состоявшейся техногенной катастрофы. Создавая проект «Романтический Апокалипсис», Петр Белый переживает физическое, тактильное ощущение вещественности материи: «часто иду от тектоники материала. Начинаю исследовать его природу, например бетон. Я десять лет с ним боролся, формовал, чтобы понять, что делать ничего не надо, он сам все сделает. Выяснилось, что бетон не требует формы, его природа – это поток, куча, барочность естественной фактуры» [Авторизированное интервью с Петром Белым, 2023].

В этих поисках точки соединения внутреннего и внешнего, материального и нематериального Петр Белый вновь сводит предмет и идеальное невысказанное. Герой апокалипсиса смотрит на пространство мира, и внезапно эта пустота новой реальности оказывается наполнена субъектностью. Апокалипсис разворачивающийся на фоне руин высокой культуры и больших исторических эпох имеет дидактическую риторику. И, одновременно, формы и материи руин становятся началом творения: «Художественная культура Нового времени постоянно говорит о неблагополучии, негармоничности, неудачной устроенности мира и человека. Базовое переживание “неправильной реальности” и заблудившегося человечества передается и сегодня (если художник действительно большой) в артистически полнокровных и мощных формах. Получается преисполненный жизненных сил рассказ о бессилии, получается повесть об ужасе и ничтожности наших дел на нашей земле, изложенная языками творческой свободы» [Якимович, 2022, с. 19].

Конец человеческой истории переживается современным российским искусством также в различных модусах постгуманистической теории. Эти новые тропы прокладываются через нечеловеческую материалистическую онтологию, в которой определяющими становятся хтонические силы. В этом контексте одной из наиболее релевантных концепций оказывается ктулхуцен, развиваемый Донной Харауэй как часть в цепочке многовидового вымирания: антропоцен, капиталоцен, плантационоцен [Харауэй, 2020]. Ктулхуцен – «мир наощупь», тентакулярный клубок человеческого и нечеловеческого. В ктулхуцене особое внимание Харруэй уделяет преодолению антропоцена в процессе making kin – заведения сородичей. Отказ от антропной перспективы позволяет выйти за пределы тысячелетий отчуждения человека от остальных существ и прийти к симпоэтическим взаимодействиям.

Подлинность существования по Харауэй возможна в существовании «вплетенными» в мириады материй, мест, времени, смыслов и значений, в акте постоянной незавершенности [там же]. Тентакулярность и тентакулярное мышление определяет ктулхуцен: «Тентакулярные существа создают сцепления и расцепления; они подобны разрезам и узлам; они различают; ткнут пути и последствия; они и открыты, и переплетены, причем своим особым и никаким иным образом» [там же, с. 52]. Тентакулярность имеет

A.A. Suvorova *Eschatological and apocalyptic motives
in russian contemporary art*

и темпоральное измерение: разные времена пронизывают друг друга через генетические цепочки организмов; воспроизводят и преобразуя все, заложенное прошлым, и становящемся будущим. Описывая симпоэтическую структуру бытия, Харауэй представляет их не автономными единицами, а ассамбляжами из клеток, органов, существ или групп [там же, с. 86].

Идеи Харруэй фундаментально апокалиптичны, это обусловлено изначальной гибельностью антропоцена, который разрушает жизненные пространства посредством промышленного производства, колонизации, геноцидов. Поэтому ктулхуцен будет создан буквально из мусора антропоцена: «незавершенный ктулхуцен должен собрать мусор антропоцена и экстерминизм капиталоцена и, перекапывая, измельчая и укладывая пластами, подобно безумному садовнику, сделать еще более горячую компостную кучу для все еще возможных прошлых, настоящих и будущих» [там же, с. 83].

Смысловое разворачивание этой идеи Донны Харауэй делает Б.В. Подорога: «Насколько я понимаю, Харауэй хочет сказать, что после катастроф, вызванных антропоценом и капиталоценом, жизнь деградирует. Ее фрагменты должны быть собраны в гигантские компостные кучи – горячие кучи деградировавших организмов, органических частиц, которые под воздействием микроорганизмов и повышенной температуры преобразуются в гумус, обогащающий земную почву. Речь идет о том, что ктулхуцен – это промежуточный период, где существующие остатки от прошлого видового разнообразия соединились в процессе гниения, создающего условия для образования новых видов. В этом плане ктулхуцен все же является проектом, и он явно апеллирует к будущему, но это будущее не определено» [Подорога, 2021, с. 159].

Тема мира-после-конца, размышления о гибельности самого концепта человека и пути его преодоления в современном российском искусстве в рефлексиях ряда художников также связана с гибельностью антропоцена. Так, московский художник Дмитрий Каварга, более десяти лет в разных вариациях работающий с этой повесткой, создает проект «Токсикоз антропоцентризма. Субстанция и тело», представленный в 2019 году и берущий свое начало из более раннего проекта «Палео-Гео-Морфология». Рефлексируя трансформации человечества, Каварга дает следующую характеристику его состояния: «Совершенно очевидно, что как вид биологических организмов мы эволюционируем, но изменения затрагивают именно сознание, а не физические оболочки. Это вполне закономерно и запрограммировано в тот самый момент вакцинации внеземной рассудочностью биологического вместилища под названием обезьяна. В настоящий момент мы на излёте промежуточной стадии, завершение которой ознаменуется необратимой мутацией именно физического тела и полным отказом от него» [Токсикоз антропоцентризма, 2019].

Для человечества, по мысли Каварги, в прошлом оказывается не только физическое изменение мира, его телесность, но и инстинкты, эмоции, страхи и переживания: «Вместе с этим из нас уходят и многие ещё недавно будоражащие и потрясающие наши сознания понятия, такие как божественная сущность, дух, судьба и т.д.» [Токсикоз антропоцентризма, 2019]. Человечество сливается в единую биомассу, мыслящую энергию, в некоторое «человеческое вещество». Отдельная личность – базовая для модерна ценность и смысловая позиция – теряет свою значимость и самостоятельность. Ряд проектов Каварги представляет различные версии этого «человеческого вещества»: «Норильское вещество» (2015), «Павловское вещество» (2021), «Каваргианское вещество» (2021), «Ивановское вещество» (2022) и др.

Еще ближе к теоретическим, формальным и семиотическим позициям Донны Харауэй цикл Дмитрия Каварги «Архивация постчеловеческого компоста» (2021). Произведения этого проекта представляют собой множество разномасштабных стеклянных колб с «затвердевшим субстратом внутри», который обладает тентакулярностью: живое и неживое, принадлежащее некогда миру антропоцена или являющееся порождением сил природы сплелось в этом хтоническом субстрате. «Экзистенциалы человеческого бытия, отпечатки социальных процессов, интеллектуальные понятия и личностные рефлексии» собраны воедино и по мысли автора проекта Дмитрия Каварги: «Все “собранные” и законсервированные вещества цикла отображают сформированную человечеством картину мира, ту реальность, в которой мы пока существуем...» [Kavarga, б.г.].

Радикально иные стратегии функционирования мира будущего предстают перед нами в концепциях цифрового человечества, киборгизации, человеческих гибридов. Значительные концепции такого будущего человечества представлены в контексте трансгуманизма (Джулиан Хаксли, Ник Бостром, Дэвид Пирс, Макс Мор, Наташа Вита-Мор, Рэй Курцвейл и др.) [Bostrom, 2005; Bostrom, 2009; Eden, 2013]. В размышлениях о возможных стратегиях конца мира и мира-после-конца появляются концепции соединения цифрового и живого, гибридов человека и машины и, более того, преодоление этой дихотомии. Но при значительной вариативности этих концепций версия паритета биологического и эсхатологического (как части теологии) является, скорее, исключением.

Генеративная инсталляция «Послезавтра» арт-группы «Куда бегут собаки» (2017-2018) является собой в своем роде формальный и смысловой гибрид теологического и технологического, цифры и биологии. В версии арт-группы «Куда бегут собаки» «Откровение» Иоанна Богослова рассматриваются как истинный, практически буквальный, сценарий который подлежит реализации [Авторизованное интервью с арт-группой «Куда бегут собаки», 2023]. Мир в этой версии апокалипсиса разделен на две части: одна – «перешла в новую форму», другая – «почти полностью утратила знание и технологии». Первые исповедуют карго-культ интернета, вторые – «поддерживают систему цифрового бого-человечества, заботясь о необходимых ей био-тварях» [Куда бегут собаки, б. г.].

Как описывают художники, после Судного дня мир состоит из трех частей:

1. «Карго-культ интернета, последователи которого ищут благо и откровение, обращаясь к пустым мониторам, как порталам связи с божественным».
2. «Божественная комедия» Данте, «переведенная в электро-схему». Это является контентом для карго-интернета постапокалиптического-мира.
3. Мир горний, обитатели которого «перешли на новый, постапокалиптический этап и стали числом». Для производства Числа «используются цыплята, писк которых пригоден для поиска уникальных крипто-ключей» [Куда бегут собаки, б. г.].

Вся генеративная инсталляция «Послезавтра» представляет собой некий симбиозис цифрового мира и живых тварей, которые, в обход привычному антропному диктату, следуют книге «Откровения» Ионана Богослова. Само описание генеративной инсталляции, созданное художниками, техническое и внеэмоционально логичное, как бы утверждает этот приоритет нового знания без человека, силы машины: «Все события в инсталляции являются транзакциями, которые группируются в непрерывно растущую цепочку блоков с записями обо всех транзакциях. На основе аудио-информации от цыплят и информации о действующих пользователях карго-интернета система генерирует блоки транзакций с цифровыми подписями блоков. Каждый блок имеет метку о времени и содержит информацию о предыдущем блоке. Нажатие пользователем на кнопку монитора карго-интернета считается завершением транзакции. Информация из блока используется для выбора слайда, предназначенного этому пользователю. Цыплята получают новую порцию корма, а система новую порцию аудио-данных для генерации следующего блока» [Куда бегут собаки, б. г.]. Человек, хотя и косвенно подразумеваем в этом пост-мире, оказывается исключен из пространства бытия.

Другие постапокалиптические проекты группы «Куда бегут собаки» связаны с мотивами цифрового бессмертия, гибрида человека и цифры. Так, в цифровом проекте «Медиакладбище» (2018) всем желающим предлагают «захорониться», соблюдая правила, то есть совершить в своем роде переход из биологического существования в некоторый мир цифровой, информационной постапокалиптической антиутопии.

Новая эсхатология, апокалиптические и постапокалиптические концепты, активно развивающиеся с XIX века в светской культуре, гуманитарном и естественнонаучном знании, в последние десятилетия мигрируют к темам катастрофичности, итоговости бытия и мира без человека, концептам цифрового бессмертия, гибели антропоцена, сложением кхтулхуцена и т.д. (Рози Брайдотти, Франческа Феррандо, Донна Харауэй, Дипеш Чакрабарти и др.). Модусы апокалиптического и постапокалиптического также находят воплощение в актуальном российском искусстве, в инсталляциях, цифровых проектах первой четверти XXI века презентуются переживание конца времен, ощущение случившейся

A.A. Suvorova *Eschatological and apocalyptic motives
in russian contemporary art*

катастрофы, вымирания и путей существования человечества будущего в различных формах – цифрового аватара, симбиозиса, тентакулярного вещества и функционирование мира без человека.

С опорой на современную философскую теорию, обозначенные теории в современном российском искусстве, возможно выявить следующие тенденции рефлексии апокалиптической и постапокалиптической темы:

1) *мир без человека*, переживание конца времен как пространства пустоты и руин (презентация парадигматической катастрофы, «дидактического апокалипсиса», раскрываемого в переживании апокалиптики антропоцена, нахождением человечества на стыке между двумя темпоральностями);

2) *хтулуцен как новое будущее*, «человеческий компост» и тентакулярное мышление (отказ от антропной перспективы, выход за пределы отчуждения человека от остальных существ и переход к симпоэтическим взаимодействиям в тентакулярном ассамбляже);

3) *симбиоз цифры и твари, избегание человека* (понимание мира модерна как искусственного пространства фетишей и отказ от субстанциальности, его преодоление в тварно-цифровом симбиозе);

4) *цифровой апокалипсис и цифровое бессмертие* (существование вне границ человеческого тела и внешнее расширение человека как постапокалиптическое бытие).

ИСТОЧНИКИ

1. Авторизованное интервью с арт-группой «Куда бегут собаки». 21 января 2023 г. // Архив А. Суворовой.
2. Авторизованное интервью с Петром Белым. 8 января 2023 года // Архив А. Суворовой.
3. Авторизованное интервью с Петром Белым. 20 декабря 2022 г. // Архив А. Суворовой.
4. Куда бегут собаки: сайт. Режим доступа: <https://wheredogsrun.art/> (дата обращения: 28.03.2024).
5. Петр Белый: сайт. Режим доступа: <https://www.peterbelyi.com/> (дата обращения: 28.04.2024).
6. Токсикоз антропоцентризма. Субстанция и тело. Ferenczy Museum Centrum, Szentendre, Hungary. 25 May – 15 September 2019: сайт. Режим доступа: <http://kawarga.tilda.ws/antro> (дата обращения: 12.06.2023).
7. Kawarga: сайт. Режим доступа: <http://www.kawarga.ru/> (дата обращения: 15.06.2023).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апок.* Конец света каждый день. 28 апреля – 12 июня 2022. Галерея «Триумф»: сайт. Режим доступа: https://www.triumph.gallery/media/catalogs/apoc_end_of_the_1655492589.085781.pdf (дата обращения: 18.07.2024).
2. *Брайдотти Р.* Постчеловек. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2021.
3. *Грани Р.С.* Эсхатологические исследования в России XXI в.: Аналит. обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. философии; Отв. ред. *Г.В. Хлебников.* – Москва: РАН. ИНИОН, 2017.
4. *Кирсанова А.В.* Фильмы эсхатологического катастрофизма как культурные артефакты своего времени: рассмотрение в исторической динамике // *Артикульт.* 2022. №3(47). С. 67-86.
5. *Крылова М.Н.* Современный отечественный зомби-апокалипсис: штрихи к портрету нового литературного жанра // *Филология и человек.* 2018. №2. С. 65-75.
6. *Магун А.* Постмодернистский Апокалипсис Виктора Пелевина // *Стасис.* 2017. Т. 5. № 1. С. 104-122.
7. *Мартыанова Е.Г.* Специфика современных исследований по эсхатологии в гуманитарных науках // Всероссийская научно-практическая конференция (Калуга, РФ, 13 декабря 2021г.). – Уфа: Аэтерна, 2021. – С. 126-127.
8. *Медникова А.А.* Постапокалиптическая экологическая философия // *Философия хозяйства.* 2023. № 2 (146). С. 150-171.
9. *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности / Пер. *Л. Медведевой.* – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2017.
10. *Подорога Б.В.* Перипетии симпозиса: размышления об одном понятии из книги Д. Харауэй «Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в хтулуцене» // *Электронный философский журнал Vox.* 2021. Вып. 35 (декабрь 2021). С. 151-162.
11. *Феррандо Ф.* Феминистская генеалогия эстетики постчеловеческого в визуальных искусствах // *Логос.* 2022. Т. 32. № 1. С. 123–166.
12. *Харауэй Д.* Манифест киборгов: Наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017.
13. *Харауэй Д.* Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в хтулуцене / Пер. с англ. *А. Писарева, Д. Хамис, П.Хановой.* – Пермь: Гиле Пресс, 2020.
14. *Чакрабарти Д.* Об антропоцене. – Москва: V-A-G press, 2020.
15. *Федорова М.В.* Хайп-эсхатология или «игра в COVID-19»: изменение религиозного сознания в эпоху глобального кризиса // *Философская мысль.* 2021. №1. С.40-55.
16. *Якимович А.* Почему с искусством лучше, чем без него? Несколько простых истин об истории, современности и творчестве // *Собрание.* 2022. Декабрь. № 18. С. 4-20.
17. *Arias-Maldonado M.* Reformulating emancipation in the Anthropocene: From didactic apocalypse to planetary subjectivities? // *European Journal of Social Theory.* 2022. № 25(1). P. 136-154.
18. *Arias-Maldonado M.* Blooming landscapes? The paradox of utopian thinking in the Anthropocene // *Environmental Politics.* 2020. №29(6). P. 1024-1041.
19. *Bostrom, N.* A history of transhumanist thought // *Journal of evolution and technology.* 2005. №4(1). Режим доступа: <https://nickbostrom.com/papers/history.pdf> (дата обращения: 21.06.2023).
20. *Bostrom, N.* Transhumanist declaration / *N. Bostrom, D. Baily, A. Sandberg, G. Alves, M. More, H. Wagner, ... & S. Spaulding.* 2009. Режим доступа: https://uutampa.org/uuhumanist/shaagdata/history/08xxxx_transhumanist.pdf (дата обращения: 21.06.2023).
21. *Davies J.* The birth of the Anthropocene. – Berkeley: University of California Press, 2016.
22. *Eden A. H.* Singularity Hypotheses: An Overview: Introduction / *A. H. Eden, E. Steinhart, D. Pearce, J. H. Moor* // *Singularity Hypotheses: A Scientific and Philosophical Assessment.* Singularity Hypotheses. A scientific and philosophical assessment. 2013. P. 1-12.

23. Jones B. *Secular Apocalyptic Thought // Apocalypse without God: Apocalyptic Thought, Ideal Politics, and the Limits of Utopian Hope.* – Cambridge University Press, 2022. – P. 19-58.

SOURCES

1. Avtorizirovannoe interv'y u s art-gruppoj "Kuda begut sobaki". [Authorized interview with the art group "Where dogs run"]. 21 Jan. 2023. *Archive of Anna Suvorova.* (in Russian)
2. Avtorizirovannoe interv'y u s Peter Belyi. [Authorized interview with Peter Belyi]. 8 Jan. 2023. *Archive of Anna Suvorova.* (in Russian)
3. Avtorizirovannoe interv'y u s Peter Belyi. [Authorized interview with Peter Belyi]. 20 Dec. 2023. *Archive of Anna Suvorova.* (in Russian)
4. Kawarga. Available at: <http://www.kawarga.ru/> (accessed: 15.06.2023).
5. Kuda begut sobaki [Where dogs run]. Available at: <https://wheredogsrun.art/> (accessed: 28.04.2024). (in Russian)
6. Peter Belyi. Available at: <https://www.peterbelyi.com/> (accessed: 28.04.2024). (in Russian)
7. Toksikoz antropocentrizma. Substanciya i telo. [Toxicosis of anthropocentrism. Substance and body]. Ferenczy Museum Centrum, Szentendre, Hungary. 25 May – 15 September 2019. Available at: <http://kawarga.tilda.ws/antro> (accessed: 12.06.2023). (in Russian)

REFERENCES

1. Apok. *Konec sveta kazhdyj den'* [The end of the world every day]. April 28 - June 12, 2022. Triumph Gallery. Available at: https://www.triumph.gallery/media/catalogs/apoc_end_of_the_1655492589.085781.pdf (accessed: 18.07.2024). (in Russian)
2. Arias-Maldonado M. "Reformulating emancipation in the Anthropocene: From didactic apocalypse to planetary subjectivities?" *European Journal of Social Theory.* 2022, no 25(1). P. 136-154.
3. Arias-Maldonado M. "Blooming landscapes? The paradox of utopian thinking in the Anthropocene." *Environmental Politics.* 2020, no 29(6). P. 1024-1041.
4. Bostrom N. "A history of transhumanist thought." *Journal of evolution and technology.* 2005, no 4(1). Available at: <https://nickbostrom.com/papers/history.pdf> (accessed: 21.06.2023).
5. Bostrom N. Transhumanist declaration. Spaulding. 2009. Available at: https://uutampa.org/uuhumanist/shaagdata/history/08xxxx_transhumanist.pdf (accessed: 21.06.2023).
6. Brajdotti R. *Postchelovek* [Posthuman]. Moscow, Gaidar Institute Press, 2021. (in Russian)
7. Chakrabarti D. *Ob antropocene* [About the Anthropocene]. Moscow, V-A-G press, 2020. (in Russian)
8. Davies J. *The birth of the Anthropocene.* Berkeley, University of California Press, 2016.
9. Eden A.H., Steinhart E., Pearce D., Moor J.H. "Singularity Hypotheses: An Overview: Introduction." *Singularity Hypotheses: A Scientific and Philosophical Assessment. Singularity Hypotheses. A scientific and philosophical assessment.* 2013. P. 1-12.
10. Fedorova M.V. "Hajp-eskhatologiya ili «igra v COVID-19»: izmenenie religioznogo soznaniya v epohu global'nogo krizisa" [Hype-eschatology or the "COVID-19 game": transformation of religious conscience]. *Filosofskaja mysl'* [Philosophical Thought]. 2021, no 1. P. 40-55. (in Russian)
11. Ferrando F. "Feminist genealogy of posthuman aesthetics in the visual arts" [Feministskaya genealogiya estetiki postchelovecheskogo v vizual'nyh iskusstvah]. *Logos.* 2022, vol. 32, no 1. P. 123-166. (in Russian)
12. Granin R.S. *Eschatologicheskie issledovaniya v Rossii XXI v.: Analit. obzor* [Eschatological studies in Russia KsAHI v.: Analytical review]. RAS. INION. Center for Humanitarian Scientific and Information Research. Department of Philosophy. Ed. G.V. Khlebnikov. Moscow, INION, 2017. (in Russian)
13. Haraway D. *Manifest kiborgov: Nauka, tekhnologiya i socialisticheskij feminizm 1980-h* [The Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist Feminism in the 1980s]. Moscow, Ad Marginem, 2017. (in Russian)
14. Haraway D. *Ostavayas' so smutoj. Zavodit' sorodichej v htulucene* [Staying with the Troubles. Making relatives in the Chthulucene]. Perm, Gile Press, 2020. (in Russian)
15. Jones B. "Secular Apocalyptic Thought." *Apocalypse without God: Apocalyptic Thought, Ideal Politics, and the Limits of Utopian Hope.* Cambridge University Press, 2022. P. 19-58.
16. Kirsanova A.V. "Fil'my eskhatologicheskogo katastrofizma kak kul'turnye artefakty svoego vremeni: rassmotrenie v istoricheskoy dinamike" [Films of eschatological catastrophism as cultural artifacts of their time: consideration in historical dynamics]. *Articult.* 2022, no. 3(47). P. 67-86. (in Russian)
17. Krylova M.N. "Sovremennyy otechestvennyj zombi-apokalipsis: shtrihi k portretu novogo literaturnogo zhanra" [Modern domestic zombie apocalypse: touches to the portrait of a new literary genre]. *Philology & Human.* 2018, no. 2. P. 65-75. (in Russian)
18. Magun A. "Postmodernistskij Apokalipsis Viktora Pelevina" [Postmodern Apocalypse by Victor Pelevin]. *Stasis.* 2017, vol. 5, no. 1. P. 104-122. (in Russian)
19. Martyanova E.G. "Specifika sovremennyh issledovanij po eskhatologii v gumanitarnyh naukah" [Specifics of modern research on eschatology in the humanities]. *All-Russian scientific and practical conference* [All-Russian Scientific and Practical Conference] (Kaluga, Russian Federation, December 13, 2021). Ufa, Aeterna, 2021. P. 126-127. (in Russian)
20. Mednikova A.A. "Postapokaliptichnost' ekologicheskogo diskursa v sovremennoj filosofii" [Post-apocalyptic nature of environmental discourse in modern philosophy]. *Philosophy of Economy.* 2023, no 2 (146). P. 150-171. (in Russian)
21. Meillassoux K. *Posle konechnosti: Esse o neobhodimosti kontingentnosti* [After finitude: An essay on the necessity of contingency]. Ekaterinburg, Moscow, Armchair Scientist Press, 2017. (in Russian)
22. Podorozha B.V. "Peripetii simpozisa: razmyshleniya ob odnom ponyatii iz knigi D. Haraway «Ostavayas' so smutoj. Zavodit' sorodichej v htulucene»" [The vicissitudes of symposium: reflections on one concept from the book by D. Haraway "Staying with the Troubles. Making relatives in the Chthulucene"]. *Electronic philosophical journal. Vox.* 2021, no 35 (Dec. 2021). P. 151-162. (in Russian)
23. Yakimovich A. "Pochemu s iskusstvom luchshe, chem bez nego? Neskol'ko prostyh istin ob istorii, sovremennosti i tvorchestve" [Why is it better with art than without it? A few simple truths about history, modernity and creativity]. *Sobranie* [Meeting]. 2022, December, 18. P. 4-20. (in Russian)